

П. Н. БЕРКОВ

Ломоносовский юбилей 1865 года (Страница из истории общественной борьбы шестидесятых годов)

В истории научного изучения жизни и деятельности Ломоносова столетний юбилей со дня смерти великого ученого и писателя, широко отпразднованный в апреле 1865 года, занимает чрезвычайно важное место; в досоветский период это был самый крупный этап в разработке биографии Ломоносова и в создании предпосылок для всего последующего его разностороннего изучения. Достаточно указать на то, что именно в связи с юбилеем 1865 года появились в свет собрания архивных материалов Ламанского*, Билярского**, Куника***, Пекарского****, Грота*****, Н. Лавровского⁶*, были изданы в Москве⁷* и Харькове⁸* университетские сборники в память Ломоносова, содержащие ценные не только для своего времени исследования о его научных заслугах; наконец, именно под вли-

* *В. И. Ламанский.* Ломоносов и Петербургская Академия Наук. Материалы к столетней памяти его 1765–1865 года, апреля 4-го дня. М., 1865, 156 стр.
(Из «Чтений в Имп. Об-ве истории и древностей российских», 1865, кн. 1.)

** *П. С. Билярский.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, 0104» 818 стр.

*** *А. А. Куник.* Сборник материалов для истории Императорской Академии Наук в XVIII в. СПб., 1855, ч. I, VI, 223 стр.; ч. II, IX–XII, 225–530 стр.

**** *П. П. Пекарский.* Дополнительные известия для биографии Ломоносова. СПб., 1865, IV, 119 стр.

***** *Я. К. Грот.* Очерк академической деятельности Ломоносова. СПб., 1865, 58 стр. (отпечатано с дополнениями из «Санкт-Петербургских ведомостей»); СПб., 1865, 41 стр. (извлечено из VII т. «Записок Имп. Академии Наук»).

⁶* *Н. А. Лавровский.* О Ломоносове по новым материалам. Харьков, 1865, 265 стр.

⁷* Празднование столетней годовщины Ломоносова 4 апреля 1765–1865 гг. Имп. Московским университетом в торжественном собрании апреля 11 дня. М., 1865, 115 стр.

⁸* Памяти Ломоносова 6 апреля 1865 г. Харьков, 1865, 87 стр.

янием юбилея 1865 года были опубликованы через несколько лет знаменитые работы о Ломоносове Пекарского* и Будиловича**, на много десятилетий определившие круг материалов и, в известной мере, угол зрения на общественную и научно-литературную роль великого деятеля русской культуры. Ни двухсотлетний юбилей со дня рождения Ломоносова в 1911 году, ни стопятидесятилетний со дня смерти его в 1915 году не дали ничего аналогичного по результатам юбилею 1865 года.

Однако, помимо научного значения, юбилей 1865 года имеет и другое, пожалуй, не менее важное значение, именно как известная страница в истории общественной борьбы 60-х годов, страница яркая и интересная, не лишенная даже драматизма; вместе с тем это не только эпизод — мимолетный и переходящий — в истории русской общественной мысли, но и событие, оставившее значительный след в общественном сознании и помогающее понять причины определенного «неприятия» Ломоносова радикальной частью русского общества в течение 70–90-х годов XIX века и даже позднее.

Все эти обстоятельства заставляют обратиться к рассмотрению материалов о ломоносовском юбилее 1865 года.

1

Ломоносовский юбилей 1865 года не может и не должен рассматриваться вне связи с предшествовавшими и современными ему событиями общественной и политической жизни России. Только на фоне недавнего «освобождения» крестьян и продолжавшейся вокруг него борьбы, только на фоне петербургских пожаров 1862 года, ареста Чернышевского и Писарева, польского восстания, бурного роста реакционного крыла журналистики во главе с катковскими «Московскими ведомостями» и т. д., только при учете расстановки общественных сил в конце 1864 и начале 1865 года, когда консерваторы почти явно объединились с либералами для совместной борьбы с радикальной частью общества, и может быть правильно понята и самая мысль отметить столетие со дня смерти Ломоносова и разгоревшиеся вокруг юбилея страсти. В статье «Несомненное недоразумение (По поводу празднования Ломоносовского юбилея)», датированной апрелем 1865 года, радикальный критик П. А. Бибиков так характеризовал обстановку юбилея: «Хаотическое состоя-

* П. П. Пекарский. История Имп. Академии Наук в Петербурге. СПб., 1873, т. II, стр. 259–1042.

** А. С. Будилович. Ломоносов как натуралист и филолог. С приложениями, содержащими материалы для объяснения его сочинений по теории языка и словесности. СПб., 1869, VIII, 120, 72 стр.; Его же. Ломоносов как писатель. Сборник материалов для рассмотрения авторской деятельности Ломоносова. СПб., 1871, VIII. 3114, 10, 2 нен. стр.

ние, состояние брожения русского общества не подлежит сомнению для мало-мальски наблюдательного, трезвого человека. Русское общественное мнение в начале апреля 1865 года с умилением поминает столетнюю годовщину смерти Ломоносова; Петербург кичится, что празднование совершается в нем, Москва смотрит на эту тризну завистливыми глазами; литература с единодушием искренним и небывалым вторит общественному мнению и распаляет благородные порывы и страсти; «Московские ведомости» похваляются, что двухлетнею своею деятельностью подготовили русские умы к такому патриотическому единомыслию; какой-то кондотьер «Голоса» из кожи лезет, желая выставить «незабвенные» заслуги [в тексте: услуги] Ломоносова; какой-то г. Майков электризует читателей «Сына отечества» цицероновскими речами о благородстве, честности, любви к отечеству, к истине и к простонародью; г. Ламанский задается патриотическим желанием найти в Ломоносове черты, любезные нашим славянам; присяжные поэты наши, как наемные египетские плакальщицы, готовят свои вдохновленные [!] рифмованные строчки, чтобы достойно встретить вожделенный день и доказать, что они могут вдохновляться — чем угодно»*.

Уже из заглавия этой статьи и из приведенного сейчас ее начала можно видеть отрицательное отношение Бибикова к ломоносовскому юбилею. Но подобная позиция не помешала автору уловить в иронической характеристике юбилейной обстановки верные черты.

Юбилей принял размеры, совершенно не известные старой России; это был первый случай такого широкого чествования деятеля русской культуры. По указанию современного, но не вполне точно-го источника юбилей Ломоносова, кроме Петербурга и Москвы, был отпразднован еще в 17 городах**.

Однако серьезная общественная борьба разыгралась вокруг юбилея только в Петербурге и отчасти в Москве.

Уже в конце 1864 и в самом начале 1865 года стали появляться в периодических изданиях статьи, напоминавшие о предстоящем столетии со дня смерти Ломоносова. Еще в августе 1864 года В. И. Ламанский в статье «Столетняя память М. В. Ломоносову 3 апреля 1865 года (Письмо в редакцию «Дня»)» (газ. «День», 1865, № 37 и отдельно 2-е изд., СПб., 1865, 64 стр.) обращался «прежде всего к товарищам, старшим и младшим русским писателям, а потом и ко всем соотечественникам — с напоминанием об общих наших обязанностях, об общем нашем долге относительно Ломоносова и о представляющемся случае всенародно почтить его честную память

* П. А. Бибиков. Критические этюды. 1859–1865. СПб., 1865, стр. 276–277.

** П. И. Мельников. Описание празднества, бывшего в С.-Петербурге 6–9 апреля 1865 г. по случаю столетнего юбилея Ломоносова. СПб., 1865, стр. 1.

в 4 день апреля 1865 года, когда исполнится ровно сто лет, как скончался отец русского письменного, поэтического и прозаического языка, родоначальник, образователь русской литературы, великий подвижник русского просвещения, бесспорно гениальнейший и заслуженнейший русский человек после Петра Великого» (стр. 15 отд. оттиска). В своей статье Ламанский наметил несколько мероприятий, которыми, по его мнению, следовало бы увековечить память Ломоносова.

Но ни выступление Ламанского, ни последовавшая через некоторое время анонимная статья в № 47 еженедельного прибавления к «Русскому инвалиду» («Памяти М. В. Ломоносова, по поводу имеющего совершившегося 4 апреля 1865 г. столетия со дня его кончины»), ни, статья А. Х[однева] «Памяти Ломоносова» в «Сыне отечества» (1865, № 14) не вызвали отклика в обществе. Ожидали, что Академия Наук как законная наследница идей Ломоносова займется организацией юбилейного чествования. Но ожидания эти были небоснованными. Во главе Академии стояли в то время президент граф Ф. П. Литке, известный географ, и непременный секретарь, академик К. С. Веселовский, игравший значительно большую роль, нежели президент. Занимаясь политической экономией и статистикой, Веселовский в молодые годы «был не чужд либерализма, но потом, когда увидел, что эти увлечения могут плохо кончиться для его карьеры, быстро отошел от них. Он стал заниматься более безобидными отделами в своей науке — метеорологической статистикой и климатологией — и впоследствии, в продолжение всей своей дальнейшей деятельности, научной и организационной, старался заставить забыть настроения своей молодости. Академия при нем отмежевалась от более демократически настроенной университетской профессуры. Внутри Академии Веселовский всегда поддерживал лозунг «чистой науки»... Академия Наук открыто отгораживалась от жизни и ее запросов, создавая этим, по словам академика В. И. Ламанского, как бы идеал «отвлеченной Академии». Нет ничего неожиданного в том, что русскому обществу, не всегда в достаточной мере знакомому с творческой работой отдельных академиков, вся Академия в целом казалась далекой, чуждой и даже ненужной». Охарактеризовав так положение Академии при К. С. Веселовском, новейший историк Академии Г. А. Князев продолжает: «Наиболее прогрессивные университетские деятели прямо высказывались в том смысле, что Академия отжила свой век и дальнейшее развитие науки перешло к университетам»*.

Ко всему этому присоединилось еще то обстоятельство, что и президент Ф. П. Литке, и непременный секретарь К. С. Веселовский,

* Г. А. Князев. Краткий очерк истории Академии Наук СССР. М.—Л., 1945, стр. 32.

опасаясь пополнять Академию передовыми и демократически настроенными молодыми русскими учеными, предпочитали поддерживать находившихся в составе Академии в большом числе немцев и пополнять ее опять-таки за счет немцев, в большинстве своем далеких от русских интересов и равнодушных, а то и прямо враждебных ее культурному, экономическому и политическому развитию.

Ожидать в такой обстановке, что Академия возьмет в свои руки инициативу празднования ломоносовского юбилея, было наивно. Мы увидим ниже, что совершенно обойти вниманием чествование Ломоносова Академия не нашла нужным, но и оказаться застрелщиком в этом деле она не захотела. Академическое чествование памяти Ломоносова ограничилось одним только заседанием 6 апреля 1865 года, но и вокруг этого, более чем скромного мероприятия развернулась борьба.

Хотя Академия начала свои приготовления к юбилею Ломоносова еще в январе 1865 года*, однако в широкую публику сведения об этом не проникли, и поэтому создавалось впечатление, что юбилей великого писателя и ученого пройдет неотмеченным.

И в это самое время, в начале марта 1865 года, неожиданно возник, независимо от академической ломоносовской комиссии, юбилейный комитет, которому удалось организовать импозантное чествование Ломоносова.

Как можно судить по недатированному, но относящемуся к первой половине марта 1865 года письму поэта А. Н. Майкова к Н. А. Некрасову**, именно Майков был инициатором этого юбилея, или, по крайней мере, инициатором того направления, которое было придано юбилею.

Примыкавший в конце 1840-х годов к кружку Петрашевского, Майков позднее (в особенности с 1854 г.) переходит в лагерь реакции и сближается с националистически-шовинистическими группировками. В свое время Майков был связан с некрасовским «Современником» и часто печатался на его страницах; со второй половины 1850-х годов сотрудничество Майкова в «Современнике» прекращается. Может быть, именно в связи с уходом когда-то передового поэта в стан противников находится кличка, данная Майкову Некрасовым, как свидетельствует И. С. Тургенев,— «благонамеренный труп». Вообще к Майкову Некрасов относился неблагожелательно и в «Послании к Лонгинову» отозвался о былом петрашевце так:

* А. В. Никитенко. Записки и дневник. Изд. 2-е, ч. II, СПб., 1905, стр. 217.

** Письмо это хранится в архиве Института литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук; оно публикуется с моими комментариями в находящемся в печати «Некрасовском томе» «Литературного наследства», ч. II.

А Майков Аполлон, поэт с гнилой улыбкой,
В конец оподлился — конечно, не ошибкой...

Ко времени ломоносовского юбилея Майков служил в иностранной цензуре, находившейся тогда в ведении Министерства внутренних дел.

Согласно упомянутому выше письму Майкова к Некрасову, Майков немедленно поделился возникшей у него идеей отпраздновать юбилей с П. И. Мельниковым, известным писателем (Андреем Печерским), исследователем раскола, чиновником особых поручений при министре внутренних дел. «Воспламеняясь и обдумав насконо, что делать,— излагает далее Майков Некрасову ход дела,— тотчас мы поехали к Краевскому и к вам, но не застав ни его, ни вас дома, оставили записки обоим, прося неотказательно уведомить нас о согласии, так как надобно было сейчас же составить прошение к мин[истру] внутренних дел, ибо терять времени было нельзя».

Редактор влиятельной газеты «Голос» и журнала «Отечественные записки» А. А. Краевский ответил согласием в тот же день; ответ Некрасова задержался и был получен Майковым уже после подачи прошения. Именно в связи с запоздалым получением ответа Некрасова и находится письмо Майкова, излагающее, по-видимому, объективно последовательность событий. Дальнейшие этапы подготовки к юбилею и его празднования известны из официального отчета, выпущенного с том же 1865 году под названием: «Описание празднества, бывшего в С.-Петербурге 6–9 апреля 1865 года по случаю столетнего юбилея Ломоносова. По поручению высочайше утвержденного Ломоносовского комитета составлено членом его П. Мельниковым» (СПб., 1865, 4°, 46, 4 нен. стр.).

Прошение министру внутренних дел было подписано, якобы по поручению инициативной группы, П. И. Мельниковым, В. М. Лазаревским, А. Н. Майковым, Б. М. Маркевичем и П. П. Семеновым. И Лазаревский, переводчик и автор незначительных и немногочисленных рассказов, и известный реакционный романист Маркевич, и Семенов, прославленный путешественник, известный позднее под именем Семенова-Тян-Шанского,— все служили в то время в Министерстве внутренних дел: первый — в качестве директора департамента особых дел министерства, второй — сверхштатным чиновником особых поручений при министре, наконец, третий — директором Центрального статистического комитета, состоявшего в том же министерстве. Таким образом, уже самый состав инициативного комитета служил достаточным основанием для заключений об исключительно благонамеренном характере предполагаемого чествования.

Еще более показательно было прошение, поданное на имя министра внутренних дел. Оно состояло из двух частей: вводной, пред-

ставлявшей мотивировку задуманного мероприятия, и основной, в которой перечислялись отдельные пункты предполагаемого ломоносовского чествования. Последние не представляли чего-либо особенно любопытного, за исключением одного, к тому же как раз и не разрешенного Комитетом министров. Намеченная инициативным комитетом программа ломоносовского празднества включала следующие пункты:

- 1) поминальное богослужение 6 апреля 1865 года на могиле Ломоносова в Александро-Невской лавре;
- 2) обед по подписке в тот же день в зале Дворянского собрания с произнесением речей и специально написанных стихотворений и т. п.;
- 3) организация подписки на учреждение двух ломоносовских стипендий (в Московском университете и в Московской духовной академии, преобразованной из Заиконоспасской, в которой учился Ломоносов); на изготовление медали в память юбилея; на премию и издание лучшего жизнеописания Ломоносова; на премию и издание «лучшего сочинения о Ломоносове для простого народа, из которого бы русский простолюдин ясно мог уразуметь, до какой степени он может подняться при терпении и энергическом стремлении к самообразованию»;
- 4) устройство ломоносовского спектакля 8 апреля в Мариинском театре по особой программе;
- 5) учреждение в Петербурге Общества любителей русской словесности и наук под именем «Ломоносовского».

По представлению Комитета министров 19 марта 1865 года Александр II утвердил намеченную программу чествования, за исключением последнего пункта. С некоторыми отступлениями от предложенных сроков программа эта была осуществлена, но, по-видимому, не полностью; в особенности это относится к пункту 3 (стипендии, медаль, премии и т. д.).

Однако простой перечень мероприятий, намеченных инициативным комитетом, не дает представления о характере предложенного чествования. Несколько подробнее говорит об этом вступительная, мотивировочная часть прошения. В ней подчеркивается основополагающая роль Ломоносова в истории русской науки — филологии, истории, естествознания, в истории русской литературы и просвещения, наконец, в истории исследования России в географическом, этнографическом, естественном и экономическом отношениях. «С Ломоносова начинается самостоятельность русской науки. Имя Ломоносова,— продолжают авторы прошения,— есть русское народное знамя в области мысли, слова, науки». Указав далее, что подготовка к ломоносовскому юбилею происходит во многих местах империи и что по ряду биографических и исторических причин «в Петербурге тем приличнее было бы та-

кое празднество», авторы прошения завершают вступительную часть своего обращения к министру следующим образом: «Русские в России праздновали юбилеи Шекспира и Шиллера. Как же им не праздновать юбилея своего кровного, родного гения, память которого дорога всякому русскому и составляет предмет законной гордости?»

На взгляд читателя наших дней, в формулировках прошения инициативного комитета нет, пожалуй, ничего неприемлемого. Может разве возникнуть только вопрос, как понимать выражение: «имя Ломоносова есть русское народное знамя в области мысли, слова, науки». Понимать ли «народное» как «национальное», «демократическое», «националистическое», «великодержавно-шовинистическое»?

Вопрос этот может быть правильно решен только при учете внутренних и внешних условий русской жизни того времени. После подавления движения 60-х годов, после разгрома польского восстания 1863 года и еще большего обострения неприязни передового европейского общественного мнения к «жандарму Европы» в реакционных кругах русского общества особенно усилились шовинистические настроения, сознательно и намеренно поощрявшиеся правительством Александра II. Возродились не увядшие в течение второй половины 50-х годов уваровские лозунги «православия, самодержавия и народности»; «Московские ведомости» и «Русский вестник» Каткова, да и ряд других органов печати вели энергичную монархически-великодержавную агитацию; травля «инородцев» становилась одним из важных элементов внутренней политики 1860-х годов. Таким образом, выражение «имя Ломоносова есть русское народное знамя...» должно было пониматься в тогдашней обстановке как призыв к тому, чтобы окрасить ломоносовский юбилей в монархические, религиозно-шовинистические тона.

2

Соответствующая кампания в периодической печати была начата, если не считать небольших заметок, статьей А. Н. Майкова в «Сыне отечества» (1865, 31 марта, № 77, стр. 607–610) — «Несколько слов по поводу столетней памяти Ломоносова». Она была выдержана в резко охранительных тонах и изобиловала нападками на «современные настроения». Излагать ее содержание нет смысла: она ставила целью ознакомить общество с характером предстоящего чествования.

Интересно привести отклики на эту статью в радикальной прессе. В сатирической «Искре» (1865, № 13, стр. 182–183) был помещен обзор материалов, печатавшихся перед юбилеем в разных органах печати. Касаясь майковской статьи, обозреватель «Искры»

в заметке «Ломоносов и «Сын отечества»» «давал ее оценку следующим образом: «Автор [А. Майков] говорит с читателями в таком тоне, как будто они какие-то несовершеннолетние идиоты...» Особенno возмущала автора обозрения тенденция «статейки» доказать, что Ломоносов был душою мер, «связывавших обитателей России узлом администрации». Вспоминая бытую причастность Майкова к революционным кружкам конца 40-х годов, обозреватель высказывал притворное сомнение по поводу принадлежности ему статьи в «Сыне отечества»: «Хотя статья и подписана Аполлон Майков, но мы полагаем, что статья не его, ибо в ней проводятся взгляды совсем не того рода, к каким мы привыкли в большинстве его произведений прежнего времени». Общая оценка майковской статьи дана обозревателем в самом конце: «По нашему мнению, памяти Ломоносова нельзя было нанести большего оскорблени, как связать с празднованием его столетия такое жалкое, невежественное витийство» (стр. 183).

Однако при всей своей политической узости и ограниченности статья Майкова имела большое значение как своего рода «установка», как официальная программа предстоящего юбилея, и поэтому ограничиться короткой заметкой по ее поводу «Искра» не сочла достаточным. В следующем, четырнадцатом, номере журнала была помещена карикатура на А. Н. Майкова. Поэт «с отблеском Ломоносова на челе», вместо оценки заслуг холмогорского рыбака по поводу столетия его памяти, напускает на изумленного сына отечества всякие страхи и искушения в виде «стыдливых дев, блудниц в богатых одеждах со звонким хохотом на устах и разгульной удалой речью, шутов, скоморохов со скрыпицами, дудками и сопелями, со плясанием и скаканием и всей лесной нагнили в огне и жупеле вечном» (стр. 196; ср. стр. 197).

Мы видели уже, что и П. А. Бибиков в статье «Несомненное недоразумение» иронизировал по поводу «цицероновских речей» Майкова «о благородстве, честности, любви к отечеству, к истине и к простонародью». Встречались отрицательные отклики на эту статью и у других радикальных авторов. Нет сомнения, что в целом «Несколько слов» Майкова заслуживают такой оценки. Но следует тем не менее указать, что в этой статье было обронено два-три верных замечания, правильных наблюдения и отдельные интересные мысли, которые, к сожалению, не вошли в «науку о Ломоносове», и лишь с значительным запозданием приходится возвратить Майкову приоритет в отношении нескольких важных положений при оценке деятельности Ломоносова. Укажем на наиболее существенные в этом отношении моменты в статье Майкова. Так, вопреки общепринятым в биографической литературе о Ломоносове мнениям о культурной отсталости Архангельского Поморья в XVIII веке Майков впервые отметил, что эта окраина была

отнюдь не медвежьим углом, а передовым культурным очагом Московской Руси, что она была связана с Европой и что это культурное общение, не нанося никакого вреда национальной самобытности жителей, способствовало развитию их природных дарований. Как известно, эту мысль — о зависимости гения Ломоносова от состояния культуры на его родине — высказал в начале нашего века Ф. А. Витберг, очевидно не зная о своем предшественнике, Майкове*.

Выступил Майков также и против укоренившегося предвзятого мнения об одах Ломоносова как проявлениях простого или пустого риторического восхваления. За полвека до статьи Т. М. Глаголевой «Ломоносов-гражданин», якобы впервые поставившей серьезно вопрос об отношении Ломоносова к политической жизни России его времени**, Майков писал: «На его оды нельзя смотреть без соображения со временем. Каждая ода его и каждая речь живо отражают в себе все тогдашние дела; их следует объяснять, имея перед глазами Полное собрание законов Российской империи того года и зная текущие тогдашние события».

Еще более интересна мысль Майкова о характере од Ломоносова; отвлекая комплиментарную тенденцию в них, Майков в противовес выдвигает педагогическую, политico-воспитательную: «Хвала Ломоносов учит, он рисует идеал, к которому прославляемый должен стремиться».

Ломоносов, по словам Майкова, «постоянно напоминает ему [восхваляемому] его обязанности перед отечеством и народом, принимая, что они существуют и что он только открывает эти качества в том, кого превозносит» (стр. 608–609).

Любопытно, наконец, замечание Майкова, что Ломоносов первый указал на финское происхождение мадьяр (стр. 609)***.

И все же, несмотря на указанные достоинства, статья Майкова была одним из основных выступлений реакционных организаторов юбилея. В «Голосе» Краевского, в «Сыне отечества», «Северной по-

* *Ф. А. Витберг.* М. В. Ломоносов и северный культурный центр.— Известия Отделения русского языка и словесности, 1912, кн. III и отд. оттиск, СПб., 1912, 21 стр. Следует, впрочем, указать, что в 1863 г. В. И. Ламанский в биографическом очерке о Ломоносове («Отечественные записки», 1863, т. 146, кн. 1, отд. 1, и отд. оттиск, СПб., 1864, стр. 21–27) проводил мысль, что «в целой России в начале XVIII в. едва ли была какая иная область, кроме Двинской земли, с более благоприятною историческою почвою и более счастливыми местными условиями для произведения такого общественного деятеля, каким был Ломоносов» (стр. 26 отд. оттиска).

** *Т. М. Глаголева.* Ломоносов как гражданин. Филологические записки, 1915, вып. II, и отд. оттиск, Воронеж, 1915, 18 стр.

*** На этом факте останавливались в 1865 г. многие (Ламанский — во 2-м изд. «Столетней памяти М. В. Ломоносову», стр. 57; П. А. Лавровский — в харьковском сборнике «Памяти Ломоносова», стр. 55 и др.).

че», «Русском инвалиде» печатались аналогичные статьи. Не осталась в стороне и московская пресса с «Московскими ведомостями» Каткова. Особую позицию заняла в юбилейном вопросе издававшаяся в то время еще Академией Наук газета «С.-Петербургские ведомости».

Необходимо заметить, что реакционные группировки общества и в особенности прессы использовали ломоносовский юбилей для нападок на Академию Наук. Обвинения состояли главным образом якобы в пренебрежении национальными интересами, в аристократическом отмежевании от боевых вопросов дня, т. е. опять-таки от воинствующего шовинизма, и т. д. В полемическом азарте ставились под сомнение заслуги Академии вообще и проводилась мысль о ее бесполезности.

Наиболее умный из всех представителей консервативного и реакционного лагеря, Катков, понимая, какой резонанс должен иметь в европейской прессе поход против Академии, не мог поддержать этой бездарной вылазки и в передовой статье 3 апреля 1865 года, касаясь Академии Наук, отмечал: «К сожалению, поминки по великому деятелю русского просвещения совпадают с начавшееся вдруг странною агитацией против этого знаменитого учреждения, оказавшего столько услуг и науке, и России,— агитацией, которая имеет очевидною целью не исправить какие-либо недостатки в нем, а разрушить его в основаниях».

Очевидно, позиция «Московских ведомостей» в вопросе об Академии повлияла в какой-то мере на известную часть периодической печати. По крайней мере, в «Голосе», сперва довольно интенсивно нападавшем на Академию, появились несколько иные нотки: «Во время самого празднества,— писал обозреватель «Голоса» в отделе «Вседневная жизнь» 11 апреля 1865 года,— и в Петербурге [несколько выше шла речь о позиции «Московских ведомостей»] начались проявления желаний ослабить общественное настроение, возбужденное памятью первого русского ученого. Такое желание пробудилось, к нашему прискорбию, со стороны органа самой Академии, который в общем настроении увидел какое-то знамя, враждебное великой реформе и европейской науке». Таким образом, действуя по принципу «с больной головы да на здоровую» «Голос» пытался реабилитировать себя в глазах читателей. Это не мешало тому же обозревателю «Голоса» создавать в той же статье видимость некоей принципиальной самостоятельности своего органа: «Очень жаль,— писал он,— что самое естественное чувство всех, кому дороги отечественные интересы, было встречено некоторыми весьма недоброжелательно, в особенности известною фракциею московской прессы».

Приведенные цитаты могли бы создать впечатление, будто в реакционном и более либеральном кругах были какие-то серьезные

расхождения в вопросе о Ломоносовском юбилее. На деле было не так: все это касалось частностей и второстепенных подробностей. В основном вопросе — придании юбилею характера монархически-шовинистической демонстрации — все органы печати, как реакционной, так и либеральной, были едины. Эта точка зрения была особенно отчетливо выражена в статье «Еще в память Ломоносова», помещенной в «Сыне отечества» 13 апреля: «Мысль об этом празднестве сочувственно встречена всеми, на нее откликаются всюду, и всякий спешит заявить слово, всякий спешит принять участие в торжестве. Вместе с этим празднством как будто ожило и наше общество, как будто оживилась и литература, и по тому и по другой прошла новая струя жизни, и того и другой как будто коснулся животворящий дух».

3

Каков был этот «животворящий дух», можно судить по материалам самого юбилея.

Первым пунктом юбилейного чествования инициативный комитет наметил, как было уже указано, поминальное богослужение на могиле Ломоносова. Высшее духовенство отнеслось с большим вниманием к предложению, «указывая при том на Ломоносова, до конца жизни неуклонно пребывавшего в лоне православия, как на поучительный пример современным ученым и писателям»*. Еще более энергично пропагандировал мысль о значении религии в жизни Ломоносова митрополит киевский и галицкий Арсений в письме, обращенном к президенту Академии Наук Ф. П. Литке и опубликованном одновременно в печати. Основная идея письма состояла в том, что церковь «дала ему [Ломоносову] первоначальное образование на началах твердых, строго религиозных и национальных, которым он, к счастью, вопреки нынешним мудрецам-космополитам, остался верен до смерти»**.

Таким образом, духовенство хотело аргументировать некоторыми фактами биографии Ломоносова свое право принять участие в юбилее того, кто так много сделал для развития подлинно научных, материалистических воззрений в России. Фальшив положения в этом вопросе духовенства верно подметил П. А. Бибиков в упоминавшейся уже статье «Несомненное недоразумение»; он в пределах, допускавшихся тогдашними цензурными правилами, указал на враждебные взаимоотношения между Синодом и Ломоносовым в связи с сатирой «Гимн бороде» и последующими этапами

* Мельников. Описание, стр. 4.

** Там же.

этой полемики*. Но книга Бибикова, в которой была опубликована данная статья, вышла в свет не ранее, чем через полгода после юбилея, и нисколько поэтому не могла отозваться на характере чествования.

Церковное поминание Ломоносова было обставлено большой торжественностью. «Заупокойную литургию совершил Исидор, митрополит новгородский и с.-петербургский, в сослужении с шестью архимандритами и четырьмя иеромонахами»**. Соборную панихиду затем совершили два митрополита, два архиепископа, три епископа, царский духовник, семь архимандритов и четыре иеромонаха. Помимо этого и на самой могиле Ломоносова была совершена лития и провозглашена ему вечная память.

Когда распорядители юбилея принесли в лице митр. Исидора благодарность всему участвовавшему в богослужении духовенству, митрополит снова подчеркнул, что церковь исполнила лишь свою обязанность, что Ломоносов был истинным православным христианином и тем показал образец истинного ученого ученым и писателям нынешнего времени.

Эта постоянная оглядка на «ученых и писателей нынешнего времени», на «нынешних мудрецов-космополитов» и т. д. представляет основной мотив не только религиозного, но и всех прочих пунктов ломоносовского чествования 1865 года.

Вслед за религиозным освещением Ломоносова последовало монархическое. Обед в Дворянском собрании, намеченный на 6 апреля и перенесенный ввиду совпадения с чествованием в стенах Академии Наук на 7-е, начался со старинного царского заздравного («подлюдного») величанья, «нарочно для юбилея переделанного А. Н. Майковым». Затем последовало чтение вперемешку стихов и речей А. Майкова***, секретаря императорского Вольного экономического общества А. И. Ходнева, Я. П. Полонского****, академика И. И. Срезневского (речь была прочтена Д. В. Поленовым), Ф. И. Тютчева (стихотворение читал Я. П. Полонский), В. И. Ламанского, тогда еще только доцента С.-Петербургского универси-

* Бибиков. Цит. соч., стр. 284–287.

** Мельников, стр. 6–7.

*** Стихи Майкова, прочитанные на обеде, подверглись при опубликовании цензурному исправлению и в таком виде напечатаны в «Описании» Мельникова, стр. 11–14, и в «Русском инвалиде», 1865, № 75; в собраниях сочинений Майкова оно печаталось в значительно более смягченной редакции 1882 г. Однако сохранилась и первоначальная редакция; см.: И. А. Шляпкин: Празднование 100-летнего юбилея М. В. Ломоносова в 1865 г. К ломоносовскому юбилею (заметка). Русский библиофил, 1911, № 7, стр. 109–110.

**** Стихи Полонского также были искажены цензурой. Первоначальную редакцию см. в указанной выше заметке Шляпкина. Цензурная редакция в «Описании» Мельникова, стр. 16–19, и в «Современнике», 1865, т. III, а также в собраниях сочинений Полонского.

тета*, М. П. Розенгейма (стихотворение прочел И. А. Гончаров) и т. д. Далее следовало чтение полученных телеграмм и ответов на них.

Содержание всех этих песен, речей, стихотворений, телеграмм, тостов и т. д. настолько однообразно, что излагать все это абсолютно неинтересно. Коротко сформулировал идейную сущность всего прочитанного некий М. Я. Раппопорт, сотрудник «Сына отечества», поместивший в № 85 этой газеты бойкую статейку «Обед в память Ломоносова 7 апреля 1865 года в зале Дворянского собрания». Скрывшись под инициалами «М. Р.», которыми обычно помечались его хроникерские заметки, он писал: «Единство народа с русским царем является драгоценным задатком нашего благоденствия. Главное: Россия не должна жить вне России, развитие своей внутренней жизни может повести нас только к желаемой цели. Вот тезис, который различно вариировали поэты и литераторы наши». Говоря о многочисленных тостах и сопровождавших их возгласах «ура», хроникер, захлебываясь от восторга, продолжает: «Долго, долго крики не умолкали, и если бы они могли пролетать пространство вне наших пределов, то чужеземцы на деле удостоверились бы в том, что русский народ, русский царь и его семья составляют одно нераздельное целое».

Хроникер «Сына отечества» был слишком ничтожным литературным поденщиком, чтобы позволить себе неправильное, тенденциозное освещение характера ломоносовского обеда. Да и отчеты в других газетах подтверждают правильность изложения материала. Монархический колорит чувствования был не менее ощутим, нежели

* Речь Ламанского см. в «Описании», стр. 21–22. Вопреки ожиданию, речь эта, по крайней мере в печатной редакции, очень тактична и вовсе не представляет «демонстрации», как предполагал Никитенко. Так, во вступительной части своего слова Ламанский говорит: «Твердая вера в силы русского народа, в наше просветительное начало не помешает нам скромно, добросовестно признавать заслуги и подвиги наших старших братьев романо-германцев, давно украсивших свои родины дарами наук и искусств, в наши дни празднующих не столетние, а 300–500-летние юбилеи отцам своих литератур... Славя защитников Ломоносова, почтим и его заиконоспасских наставников и германского учителя Вольфа, которого Ломоносов до конца дней называл своим благодетелем. Воздадим честь великому мужу науки, Леонарду Эйлеру, первому из европейцев признавшему гениальность и ученыe заслуги Ломоносова... Честь и добрая память друзьям Ломоносова, благородным немцам, академикам Рихману и Брауну! Нежная к ним привязанность Ломоносова всего лучше доказывает, что русская мысль чужда узкой национальной исключительности, что под русским народным знаменем возможна согласная умственная деятельность разных народностей. Наша признательная память об этих немцах-академиках служит порукою, что глубокая благодарность России ожидает всех иностранцев, бескорыстоно трудающихся в пользу ее просвещения» («Описание», стр. 21–22). Эта же речь была напечатана в газ. «День», 1865, № 15.

церковный, как это и входило в планы распорядителей праздника*. Для полного торжества уваровской формулы «православие, самодержавие и народность» не хватало только последнего элемента.

«Всеми руководила одна мысль,— писал знакомый нам М. Р.,— о том, что пора нам высвободиться из-под влияния иностранного элемента, в особенности крайнего вмешательства немецкого, парализующего развитие собственных сил и народность — драгоценнейшее достояние народа...» Нет сомнения, что причиной всех этих разговоров о «народности» были те многочисленные факты роста подлинно народного, прогрессивного самосознания, лучшими выразителями которого незадолго до этого времени были Добролюбов, умерший за четыре года, и Чернышевский, арестованный почти за 3 года до того, а также Некрасов, Салтыков-Щедрин и вообще радикальная разночинная пресса. Брожение в обществе, в народе было настолько сильным, что замалчивать самый факт роста народности, т. е., в тогдашних условиях, демократической революционности, было невозможно. Реакционным и либеральным кругам оставалось только фальсифицировать, исказить смысл понятия «народность», истолковать его в шовинистическом духе. Вполне отвечала поэтическому положению вещей на обеде самодовольно-бравая фраза в отчете «Сына отечества»: «Много досталось иноземцам!»**.

* Чествование происходило в то время, когда тогдашний наследник престола, Николай Александрович, старший сын Александра II, был при смерти. В Ниццу, где он находился в это время, участники юбилея отправили на французском языке телеграмму (русский текст ее см. «Описание» Мельникова, стр. 11; там же ответ графа С. Г. Строганова). В связи с безнадежным положением больного из программы ломоносовского чествования были исключены два музыкальных номера как веселые и несоответствующие серьезности момента: «Пир Владимира и пляски скоморохов» из оперы Серова «Рогнеда» и «Камаринская» Глинки. («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. I, СПб., 1911, стр. 190; здесь же французский текст указанной выше телеграммы. Редактор этого издания, М. К. Лемке, ошибочно полагал, что ломоносовский обед состоялся в Академии Наук, после чтения докладов; см. стр. 188).

** Характер ломоносовского чествования предугадывали дальновидные современники. Так, Никитенко писал в дневнике под 13 марта: «В городе [т. е. Петербурге, независимо от Академии Наук] приготовляются тоже овации, в чем деятельно участвует Л[аманский]. Ему, главное, хочется этим насолить немцам, которых он смертельно ненавидит, и я начинаю бояться, что из овации Ломоносову выйдет демонстрация против немцев. На днях был у меня Л[аманский] и много толковал о Ломоносове, о славянах и немцах» (т. II, стр. 224). На следующий день, 14 марта, Никитенко сообщает о посещении его А. Н. Майковым и чтении последним стихов, написанных для прочтения на ломоносовском обеде. «Стихи хороши,— замечает Никитенко,— только сильно направлены против немцев. Тут видно влияние Л[аманского]. Я заметил Майкову: «Вы бросаете перчатку немцам». Без скандала, т. е. без демонстраций против немцев, ломоносовский праздник, кажется, не обойдется» (там же, стр. 225).

4

Чествование Ломоносова в Академии Наук отличалось некоторыми своеобразными чертами. Выше указывалось уже, что еще в январе 1865 года начались заседания подготовительной комиссии, но протекали они вяло. Никитенко сохранил в своем дневнике под 19 января любопытные подробности первого заседания. По его словам, он внес предложение «начать праздник обеднею, так как это будет на Святой неделе, потом церковным поминовением и закончить актом в Академии. Все приняли это очень холодно. Особенно против был [К. С.] Веселовский». Никитенко стал защищать свою точку зрения и при этом очень метко определил расхождение точек зрения: «Это настоящее национальное, а не только академическое торжество». Никитенко, при всем его природном уме и жизненной практичности, все же наивно полагал, что стоит на правильном пути: «было бы не лишним сообщить ему [ломоносовскому торжеству] печать народности, что и было бы достигнуто,— продолжает он,— тем, что я предложил» (т. 11, стр. 217). Академическая комиссия решила ограничиться организацией одного только торжественного заседания.

Решено было, что принимать участие в этом заседании будут Я. К. Грот и А. В. Никитенко. Первый должен был прочесть доклад «Очерк академической деятельности Ломоносова», второй — «О значении Ломоносова в отношении к изящной русской словесности». Третьей предполагалась речь И. И. Срезневского, но уже в феврале 1865 года Грот сообщал находившемуся в Париже П. А. Плетневу, что Срезневский едва ли что напишет*. В самом деле, Срезневский ограничился краткой речью, и то не на академическом заседании, а на юбилейном обеде (она из-за хрипоты автора была прочтена Д. В. Поленовым).

Подготовка к академическому торжеству также не обошлась без обычных трений: 29 марта 1865 года у президента Академии Литке состоялось собрание нескольких академиков для предварительного слушания назначенных к прочтению докладов. Никитенко отметил в дневнике, что его речь, «кажется, некоторым не понравилась. Я в ней — пишет он,— между прочим, касаюсь буквоздства в науке**. Но уже через день Никитенко получил от Литке весьма любезную записку с изъявлением опасений, что у адресата не хватит голоса для прочтения на академическом заседании своей «прекрасной» речи. Никитенко, вместо того чтобы понять этот намек, недипломатично поехал объясняться с Литке, и тот, конечно, сказал, что его беспокоило именно то, что изложено в письме, а крити-

* Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III, СПб., 1886, стр. 694. Ср. Никитенко, т. II, стр. 226–227.

** Никитенко, т. II, стр. 226–227.

ковать «прекрасную» речь у него не было и в помыслах*. На самом акте речь Никитенки была встречена холодно, после ее окончания были сделаны робкие попытки аплодировать, но «с некоторых стульев,— пишет Никитенко,— раздались шиканья — тем все и кончилось»**. Вопреки обыкновению, Академия не напечатала речи Никитенки в своих изданиях, и ему пришлось опубликовать ее в «Журнале Министерства народного просвещения» (1865, № 5, стр. 436—455 и оттиск).

Очевидно, демонстрация против Никитенки объяснялась не только несколько «ораторским» характером его речи, но и стремлением определенной группы академиков создать особенно благоприятную обстановку для выступления Я. К. Грота. По-видимому, этим обстоятельством была вызвана «заботливая» записка Литке к Никитенке; с этой же целью, надо полагать, речь Грота была поставлена на первом месте. Впрочем, и характер ее темы, более общий, чем у Никитенки, диктовал порядок чтения докладов.

На долю Грота выпал огромный успех. Трудно сейчас объяснить причины этого. Ни по материалам, ни по идейному содержанию доклад Грота ничем не выделяется среди прочих юбилейных выступлений и публикаций, и как-то неловко читать комплименты Плетнева, писавшего своему другу после прочтения напечатанной речи Грота: «Наконец мне доставили читанное тобою в Академии о Ломоносове. Я с жадностию проглотил эту брошюру. Она вся трепещет новостию жизни Ломоносова. Теперь я вполне понимаю и разделяю энтузиазм твоих слушателей. Ты рожден для литературных открытий. Тебе не нужно было ничего повторять старого и опровергшего. Тут новый Ломоносов с его гением, с его неутомимою деятельностию, с его знанием и владычеством над товарищами по Академии. Теперь можно сказать, что ты открыл России Державина и Ломоносова»***.

Говоря об «энтузиазме слушателей», Плетнев основывался на письме жены своего друга, Н. П. Грот****, подробно сообщавшей ему 8 апреля об академическом празднестве. Н. П. спешит поделиться с Плетневым «свежими и отрадными впечатлениями блестящего академического заседания по случаю юбилея Ломоносова,— блестящего по необыкновенному успеху речи Якова Карловича, которая была покрыта нескончаемыми рукоплесканиями, несколько раз возобновлявшимися с новою силою и до того единодушными, что люди всех цветов, всех партий и положений слились в одно горячее одобрение и сочувствие. После заседания,— продолжает

* Там же, стр. 227.

** Там же, стр. 228.

*** Переписка Я. К. Грота, т. III, стр. 704.

**** Родной сестры упоминавшегося выше П. П. Семенова.

ет Н. П. Гrot,— Яков Карлович переходил из объятий в объятия, и многие академики говорили, что давно уже подобной речи не раздавалось в стенах Академии*.

Успех речи Грота отмечают и другие источники. Следует отметить, что чествование Ломоносова в Академии привлекло исключительно большое количество слушателей. Мельников в своем «Описании» счел необходимым, хотя и вскользь, коснуться академического заседания. «Никогда,— писал он,— Академия не видала в своих стенах и четвертой доли такого многочисленного собрания (до 1200 человек). Здесь были: высшее духовенство, представители всех высших государственных и ученых учреждений, много дам, значительное число русских купцов и даже невиданные доселе Академиею посетители в синих сибирках. Обширная зала не могла вместить всех желавших присутствовать при чествовании Академиею славного русского академика, и многие из них теснились в передних комнатах» (стр. 8).

Н. П. Гrot, сообщая Плетневу об овациях, выпавших на долю ее мужа, писала: «Чтобы дать вам полное понятие о значении этого успеха, надо сказать вам, что в последнее время нападки на Академию достигли высшей степени» (стр. 697). Выше было уже указано, чем были вызваны эти нападки как со стороны передовых общественных кругов, видевших в Академии оплот консервативных начал в науке, так и шовинистических, нападавших на Академию за то, что она, замыкаясь в свои сравнительно узкие вопросы, отстранялась от активной борьбы с революционными настроениями и их носителями. Ко всему этому присоединилось еще одно обстоятельство: как раз около этого времени разрабатывался проект нового академического устава. «На этот раз,— пишет Г. А. Князев,— обсуждение проекта вышло далеко за пределы Академии; проект впервые обсуждался и среди университетской профессуры, попал на страницы прессы и вызвал отклики в широких общественных кругах. Академия подверглась резкой и жестокой критике; в качестве главных обвинений против нее выдвигались замкнутость и тенденции к служению «чистой науке»**.

Ломоносовский юбилей и успех речи Грота Академия решила использовать как аргумент для более благоприятного проведения нового устава. Эту же цель преследовали многочисленные статьи в «С.-Петербургских ведомостях». Н. П. Гrot, очевидно по родственному пристрастию, находила даже, что ломоносовское чествование представляет некоторый перелом в отношении общества к Академии. «Это заседание Академии,— пишет она с глубокой серьез-

* Там же, стр. 697.

** Г. А. Князев. Цит. соч., стр. 31.

ностью,— остановило враждебные ей манифестации, возвысило Академию в глазах публики, раскрыло беспристрастно множество новых фактов и по теплоте, одушевлению, ясности и приятности, с которой Я. К. произнес речь, возбудило всеобщий восторг»*. Дальше Н. П. Гrot сообщает Плетневу, что по возвращении домой муж ее получил письмо от президента, приносившего оратору благодарность и от своего имени, и от лица Академии за речь, явившуюся украшением заседания**.

Насколько права была Н. П. Гrot в своих прогнозах о том, что академическое заседание остановило враждебные Академии манифестации, видно из приводимых ниже суждений обозревателя журнала «Русское слово», правильно усмотревшего подоплеку академического чествования, но выразившего свою верную мысль в резко «писаревской» форме.

Впрочем, преувеличенная оценка академического заседания Н. П. Гrot объясняется ее позицией в этом вопросе, полностью выразившейся в одной фразе ее письма: «Да, великое значение в деятельности Якова Карловича будет иметь Ломоносовский праздник! Ему пришлось двух первых писателей наших возвеличить: и Ломоносова, и Державина» (стр. 698–699).

Если Н. П. Гrot чрезмерно переоценивала значение юбилейного чествования Академией, то муж ее, которому пришлось читать 29 декабря 1865 года составленный им «Отчет по Отделению русского языка и словесности АН за 1865 г.», ограничился самыми сухими официальными сведениями о заседании 6 апреля***.

5

Празднование ломоносовского юбилея вне Петербурга не имело столь резко подчеркнутого реакционного характера, хотя вообще прошло под теми же лозунгами, что и в Петербурге; в некоторых местах (Иркутск и Нижний Новгород) были даже сделаны попытки придать чествованию прогрессивный характер.

В Москве к ломоносовскому празднству отнеслись с гораздо меньшим энтузиазмом, чем в Петербурге, и в течение марта 1865 года в печати не появлялось никаких сообщений о юбилее. Лишь в номере от 1 апреля 1865 года было помещено в «Московских ведомостях» первое серьезное обращение к обществу в связи с юбилеем. Некто, скрывшийся под псевдонимом «Читатель», в статье «Ломоносовский день (Письмо к фельетонистам «Московских ведомостей»)» обратил внимание на отсутствие в прессе сведе-

* Переписка Я. К. Грота, т. III, стр. 697.

** Самое письмо Ф. П. Литке там же, стр. 699.

*** Отчеты Имп. Академии Наук по Отделению русского языка и словесности за 1852–1865 гг. СПб., 1866, стр. 431–432.

ний о том, как предполагается отметить в Москве ломоносовский праздник. «Неужели же Москва,— спрашивает «Читатель»,— отстанет от Петербурга в этом отношении? Вы [фельетонисты], зная все, «что делается в Москве», и все сообщая читателям, не говорите, однако, ни о каких предположениях насчет празднования ломоносовского дня; значит, на этот счет ничего и не предполагается»*.

Внеся некоторые конкретные предложения, вроде организации торжественного шествия из Заиконоспасского училища в университет, обеда по подписке и т. д., автор заканчивает письмо так: «Я ничего не предрешаю, никого и ни в чем не обвиняю, тем более что, «может быть (кто знает?), многое из того, что здесь указано, и готовится уже для москвичей втихомолку. Я ставлю только вопросы и возликую от всего сердца, если наступающие дни дадут мне на них отрицательные ответы» (там же).

Однако ожидания «Читателя» были напрасными: Москва более чем скромно отметила ломоносовский день. Никаких торжественных шествий, обедов по подписке, ломоносовских спектаклей и т. д. организовано не было. Все празднество ограничилось торжественным заседанием в Московском университете и публичным заседанием в Обществе любителей российской словесности. Наибольшее значение имело заседание в Московском университете 11 апреля 1865 года; здесь выступили с докладами крупнейшие тогдашние русские ученые, как С. М. Соловьев («О состоянии России в эпоху Ломоносова»), Ф. И. Буслаев («О грамматике Ломоносова»), Н. С. Тихонравов («О литературной деятельности Ломоносова») и О. М. Бодянский («О служебной деятельности Ломоносова»). Кроме того, профессора Н. Э. Лясковский и Г. Е. Щуровский прочитали доклады: первый — «О трудах Ломоносова по химии» и второй — «О деятельности Ломоносова по металлургии и геологии». После заседания профессора университета обратили внимание посетителей, как рассказывает хроникер «Московских ведомостей», на мозаичную икону работы Ломоносова, выставленную для обозрения публики**.

Ломоносовское заседание в Обществе любителей российской словесности было задумано незадолго до юбилея. В 205-м (обыкновенном) заседании Общества, 24 февраля, по-видимому по предложению П. И. Бартенева, было принято решение отпраздновать в апреле Ломоносовский день, и для этой цели Общество обратилось к своим сочиненам В. И. Ламанскому и Н. С. Тихонравову с просьбой подготовить статьи для прочтения на публич-

* Московские ведомости, 1865, 1 апреля, № 71, стр. 3.

** «Ломоносовский день в Москве». Московские ведомости, 1865, 13 апреля, № 78, стр. 2.

ном заседании, которое Общество предполагает посвятить памяти Ломоносова*.

Однако из-за смерти великого князя Николая Александровича заседание 10 апреля было отменено и перенесено на 2 мая, когда и состоялось**. Программа этого публичного (не «обыкновенного») заседания состояла из вступительного слова президента Общества И. С. Аксакова, доклада Н. С. Тихонравова «Ломоносов в истории русского образования» и из чтения Б. Н. Алмазовым его стихотворения «Памяти М. В. Ломоносова». Но этим повестка заседания не была исчерпана, и были прочтены Ф. И. Буслаевым доклад «О шестисотлетнем юбилее дня рождения Данте», а Д. Е. Минном — его перевод первой песни Дантова чистилища***.

Кроме Москвы, вне пределов Петербурга чествования памяти Ломоносова состоялись еще в 23 пунктах. П. И. Мельников в своем «Описании» перечисляет только 17 городов: Архангельск, Холмогоры, Вятку, Сергиев-Посад (где находилась Московская духовная академия, преобразованная из Заиконоспасского училища, в котором обучался Ломоносов), Тулу, Киев, Харьков, Полтаву (на самом деле здесь были только сделаны подготовительные мероприятия к юбилею, но чествование из-за смерти великого князя Николая Александровича было отменено), Воронеж, Нижний Новгород, Иркутск, Вильно, Гродно, Дерпт, Ревель, Нарву и Ригу****. Из газет 1855 года и других источников удалось установить, что Ломоносовский юбилей отмечался еще во Владимире, Могилеве губернском, Новгороде, Перми, Тамбове и в деревне Денисовке*****.

Все эти местные празднества в честь Ломоносова были похожи одно на другое: обязательно начинались церковной службой, продолжались каким-нибудь заседанием с докладами или литературным вечером, изредка к этому присоединялся обед или завтрак (Иркутск) по подписке, и этим дело ограничивалось.

* Московские ведомости, 1865, 23 мая, № 111, стр. 1.

** Московские ведомости, 1865, 9 апреля, № 75, стр. 1, и 30 апреля, № 92, стр. 1; Общество любителей российской словесности при Московском университете. 1811–1911. Историческая записка и материалы за сто лет. М., 1912, Приложения, стр. 117. В 208-м обыкновенном заседании (не публичном) Н. В. Сушков прочел стихотворение Ф. Н. Глинки «Мальчик в лаптях и нагольном тулупе», написанное для публичного заседания, посвященного памяти Ломоносова.

*** Московские ведомости, 1865, 23 мая, № 111, стр. 1; Общество любителей российской словесности при Московском университете, 1811–1911. Приложения, стр. 117–118.

**** «Описание», стр. 1.

***** Празднование Ломоносовского юбилея в разных местностях России. День, 1865, № 17 и 21; В. Андерсон. Празднование столетнего юбилея М. В. Ломоносова в 1865 г. П. К Ломоносовскому юбилею. Русский библиофил, 1911, № 7, стр. 111–112.

Правда, в ряде мест, начиная с Петербурга, Москвы и Киева, учреждались ломоносовские стипендии в учебных заведениях, предназначавшиеся для наиболее способных крестьянских детей.

Из провинциальных научных заседаний памяти Ломоносова особенно содержательным и ценным было организованное Харьковским университетом. На этом заседании с докладами выступили профессора филологи Н. А. и П. А. Лавровские, физик Н. Н. Бекетов, минералог Н. Д. Борисяк и геолог И. Ф. Леваковский. Из этих докладов был составлен интересный сборник «Памяти Ломоносова. 6 апреля 1865 г.» (Харьков, 1865, 87 стр.), продававшийся с благотворительной целью*.

Несколько особняком от всех этих, в общем благонамеренных, ломоносовских чествований стоят празднования юбилея в Нижнем Новгороде и в Иркутске. Собственно, в первом городе ломоносовский день прошел под знаком тех же идей, которые были положены в основу празднования в Петербурге, Москве и других городах. Один только эпизод внес некоторый диссонанс в нижегородское чествование. Преподаватель местной гимназии А. Ф. Мартынов, очевидно человек радикальных взглядов, сделал попытку выступить с докладом о Ломоносове, но чтение «то не состоялось. Причиной запрещения было то, что Мартынов, по словам корреспондента газеты «Голос», по убеждениям принадлежал к противникам классических штудий, и это убеждение он находил и в Ломоносове**. Как известно, именно в эти годы реакционный министр народного просвещения гр. Д. А. Толстой, в союзе с влиятельным публицистом М. Н. Катковым, усиленно насаждал «классицизм», изучение античных языков и литератур за счет сокращения объема наук естественных, «реальных». Борьба «классиков» и «реалистов» имела отчетливо политический характер, отмена доклада учителя нижегородской гимназии Мартынова была одним из частных моментов этой борьбы. Впрочем, речь Мартынова «Благодарное воспоминание о заслугах и жизни Ломоносова» была позднее напечатана в сборнике «Столетний юбилей М. В. Ломоносова, празднованный в Нижнем Новгороде 4 апреля 1865 г.» (М., 1865, 99 стр.); к сожалению, это издание осталось мне недоступным.

Еще более любопытный эпизод разыгрался в Иркутске, где ломоносовское празднество состоялось с большим запозданием, 29 мая. Очевидно, инициативу чествования Ломоносова в Иркутске захватили в свои руки демократически настроенные люди и придали юбилею иной, чем в других местах, характер. На это глухо указы-

* Кроме газет 1865 г., см. также небольшую статью Н. Ф. Сумцова: Участие Харьковского университета в чествовании памяти М. В. Ломоносова. 1711–1865–1911 (Вестник Харьк. ист.-филол. об-ва, 1912, № 2, стр. 58–62), впрочем, дающую не больше современной газетной информации.

** «Из Нижнего Новгорода», Голос, 1865, 13 апреля, № 101, стр. 101–102.

вает иркутский корреспондент «С.-Петербургских ведомостей», начавший свое сообщение о праздновании Ломоносовского юбилея в столице Восточной Сибири следующей, несомненно рассчитанной на эффект фразой: «В Иркутске совершился торжественный скандал на всю Россию». Оказывается, ряд местных деятелей отказался участвовать в этом празднестве, учащимся среднеучебных заведений также было запрещено присутствовать на чествовании, а в закуске по подписке приняло участие всего лишь одиннадцать человек*. Очевидно, именно во время этой закуски учителем местной гимназии Н. И. Поповым и секретарем Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества Б. А. Миллютиным были прочтены две речи о Ломоносове известного историка, профессора Казанского университета А. П. Щапова, высланного в Иркутск за свои передовые выступления. Позднее эти речи Щапова были выпущены отдельной брошюрой, озаглавленной «Две речи, произнесенные при праздновании в Иркутске юбилея М. В. Ломоносова» (Иркутск, 1865, 19 стр.)**.

В речи Щапова особенно подчеркнуты демократичность и прогрессивность деятельности Ломоносова, и таким образом Ломоносову как «знамени народности», в истолковании официальных реакционных устроителей юбилея, был противопоставлен Ломоносов-демократ, Ломоносов-прогрессист.

Тем самым нижегородское и иркутское чествование памяти Ломоносова в какой-то мере смыкалось с позицией радикальной части русского общества в этом вопросе.

6

Каково было отношение радикальных разночинцев к Ломоносовскому юбилею? Хотя хроникер «Сына отечества» и говорил о всеобщем сочувствии идеи чествования, на деле это было не так. Уже по цитированным выше высказываниям П. А. Бибикова и откликам курочкинской «Искры» видно было, что демократический лагерь правильно разгадал замысел ломоносовского празднества и отнесся к нему несочувственно, причем колебания в этих отношениях проявлялись в разных формах — отдержанности до явной враждебности и полемики.

Так, Некрасов, получив приглашение Майкова выступить в качестве организатора Ломоносовского юбилея, замедлил присылку ответа, и, очевидно, не случайно. В самом деле, положение Некрасова было сложное. Мы, правда, не знаем содержания первого письма Майкова и ответа Некрасова, но второе, дошедшее

* «Из Иркутска». С.-Петербургские ведомости, 1865, 6 марта, № 170, стр. 2.

** О судьбе этого издания см. статью А. Н. Турунова: Затерянная статья А. П. Щапова. Историческая литература, 1940, № 5–6, стр. 177–178.

до нас, письмо Майкова позволяет уточнить некоторые обстоятельства.

Выше была приведена выдержка из этого письма, из которой явствует, что Майков и Мельников отправились к Краевскому и Некрасову и, не застав их дома, оставили им записки с изложением сути дела. Получив от Некрасова согласие уже после подачи прошения министру, Майков счел нужным принести извинения. Характер этих оправданий любопытен и открывает, может быть, против желания Майкова, ценные детали задуманного мероприятия.

«Не имея согласия,— писал Майков,— мы и не решились поместить вас в число распорядителей; ибо молчание в таком случае нельзя было принять в знак согласия, особенно в наши мудреные времена. Из того же, что к вам приехали мы почти к первому, вы можете видеть, что вас-то именно мы хотели [подчеркнуто в подлиннике] завербовать, во-первых, как такого поэта, без которого юбилей этот не мог бы обойтись, а во-вторых, и потому, что в лице вашем целая литературная партия имела бы самого лучшего представителя и не могла бы обвинить нас в исключительности. Как хотите, а вина ваша, зачем вы не уведомили в тот же или, по крайней мере, на другой день; даже молчание ваше многие сочли за пренебрежение».

Письмо Майкова, на первый взгляд, как будто откровенно говорит о причинах обращения организаторов юбилея к Краевскому и Некрасову. И того и другого привлекали не персонально, а как представителей определенных общественных группировок. Откинув в письме Майкова комплиментарный аргумент, будто Некрасов приглашен «как такой поэт, без которого юбилей этот не мог бы обойтись», мы видим откровенное признание автора в том, что Некрасова «хотели завербовать», потому что в его лице «целая литературная партия» была бы достойно представлена и не могла бы обвинить инициаторов юбилея в «исключительности», т. е. в желании отгородиться от «левых» элементов общества. Но это было едва ли не наивной хитростью: и к Краевскому, и к Некрасову обратились именно для того, чтобы авторитетом их, в особенности последнего, придать особенную внушительность замыслу юбилея.

Весьма возможно, таким образом, что медлительность Некрасова в вопросе участия в инициативном комитете была шагом продуманным и тактически удачным: принять участие в качестве распорядителя в организуемом реакционерами чествовании он не считал возможным, понимая, какое истолкование будет придано его согласию; совершенный же отказ от участия в Ломоносовском юбилее мог быть расценен как «новое» проявление «враждебности» радикального лагеря к культурно-национальным ценностям русского народа, и допустить это Некрасов, конечно, не мог и не хотел. Впрочем, может быть, отчасти причиной задержки ответа Некрасова было то обсто-

ятельство, что как раз около этого же времени, 6 марта 1865 года, правление Литературного фонда отвергло предложение обратиться к Александру II с просьбой о помиловании Чернышевского*; тяжелое настроение Некрасова в связи с этим не могло не сказаться на его отношении к юбилею Ломоносова. Некрасов ограничился только подпиской на участие в обеде; присутствовал ли он в зале Дворянского собрания, сведений в нашем распоряжении не имеется. Стихов к юбилею, о которых просил в своем письме Майков, Некрасов не написал, а «Школьник» с четверостишием о Ломоносове относится к 1855 году.

Отношение Некрасова к ломоносовскому чествованию 1865 года можно охарактеризовать как сдержанно-холодное. Враждебно отнеслись к юбилею прочие представители демократического лагеря. Среди подписавшихся на ломоносовский обед, кроме Некрасова, да еще соиздателей «Искры» В. С. Курочкина и Н. А. Степанова, нет ни одного заметного имени из тогдашних радикальных разночинцев. Ни М. А. Антонович, ни А. Н. Пыпин, ни Г. Е. Благосветлов, ни Г. З. Елисеев и т. д. не приняли участия в обеде.

Радикальная пресса выступила с резкой критикой затеи реакционеров и сопровождала юбилейную шумиху едкими комментариями. «Современник», «Искра», «Русское слово» и другие органы более или менее близкого направления помещали полемические статьи, пародические стихотворения, а некоторые из них («Искра») и карикатуры на темы о юбилее.

Так, в № 15 «Искры» Д. Д. Минаев поместил фельетон «Обеденная поэзия», в котором переложил в пародические стихи упоминавшуюся статью А. Н. Майкова и отвечал на стихи М. П. Розенгейма. Следует заметить, что на обеде И. А. Гончаров прочел дважды по требованию участников юбилея стихотворение Розенгейма, особенно понравившееся своим заключительным четверостишием:

Да, дни теперь совсем иные,
И время, кажется, понять,
Что нет в России не России
И что пора про это знать**.

В радикальном лагере это стихотворение было воспринято как наиболее откровенная формулировка реакционного замысла юбилея. В связи с тем, что на стене зала Дворянского собрания (где происходил обед) был вывешен щит с цитатой из Ломоносова:

* Никитенко в своем дневнике под 6 марта писал: «Философ [П. Л.] Лавров предлагал Литературному фонду просить правительство о помиловании Чернышевского или о смягчении его участии. Фонд отказался ходатайствовать» (т. II, стр. 223).

** «Описание», стр. 24.

...может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать,

Минаев в своем ответе Розенгейму в упомянутом фельетоне писал:

Теперь — кричим семьею всей мы:
Меж нас родятся Розенгеймы,
К чему ж Платонов нам желать?

(стр. 214).

А. Н. Пыпин в статье «Старая и новая Академия» («Современник», 1865, № 4) указывал, что юбилей имел подчеркнуто реакционный характер: «По поводу юбилея из имени Ломоносова сделали известного рода символ и, как бывает в подобных случаях, этот символ становился чуть не обязательен для каждого, кому с своей стороны вздумалось бы говорить о предмете, из которого символ был сделан. Заговорить несколько иначе и хладнокровнее о предмете, возбуждающем восторги в данную минуту и особенно восторги ультранационального свойства (никто из бывших на юбилее не отвергнет, что в настоящем случае была значительная доля тенденций этого свойства), значит иной раз даже не найти для себя слушателей и, во всяком случае, навлечь на себя обвинение в беспокойном литературном характере» (стр. 276).

«Искра», полемизируя с «Московскими ведомостями», полагала, что «гораздо лучше и последовательнее они сделали бы, если бы промолчали об этом торжестве. Ибо что у них общего с Ломоносовым? Ломоносов был мужик; по своим знаниям реалист, а не классик,— продолжает автор статьи, имея в виду яростную борьбу Каткова против реалистического образования и пропаганду классического,— батрачеству русского мужика и другим милым вещам, проповедуемым «Московскими ведомостями» для благополучия последнего, Ломоносов никоим образом не мог сочувствовать»*.

Наиболее резким было выступление «Русского слова». В «Домашней летописи», помещенной в № 3 за 1865 год (отд. III, стр. 47—50), автор этого обозрения говорит «о самодовольствии наших флистеров, когда им открывается случай отпраздновать какое-нибудь патриотическое событие, а, кажется, нет такого случая,— читаем мы далее,— который бы они не поторопились обратить в всероссийское торжество».

Иронизируя над обеденным меню,— устроители хотели придать «ломоносовский» колорит выбору кушаний, включив в меню таймень ладожский, говядину по-марбургски, архангельских рябчиков

* «Ломоносов и современная журналистика». Искра, 1865, № 13, стр. 182.

с зелеными бобами, русское мороженое и т. д., — автор «Домашней летописи», между прочим, замечает: «Не знаем, сколько съедено телятины и произнесено похвальных речей над этой телятиной в Москве, Нижнем и Архангельске, но в Петербурге съедено и наговорено столько, что можно было бы в продолжение года прокормить целый уездный город и сыпать самыми красноречивыми панегириками в продолжение двух лет».

Затем «Домашняя летопись» переходит к тонкому анализу подлинных причин шовинистических нападок юбилейной прессы и ораторов на иноземцев. По мнению обозревателя, речь идет о том, чтобы скрыть истинных виновников злоключений Ломоносова — царскую бюрократию, высшее дворянство и духовенство. «У Ломоносова,— пишет автор,— первые враги были русские. Кто заставил его бежать из Германии нищим, голодным и полураздетым и не дал окончить начатого им учения в университете? — Русские, прекратившие высыпать ему деньги. По чьей милости он чуть не попал в солдаты? — По вашей, наши превосходные патриоты. И когда он возвратился в Петербург, кто его водил без сапогов? — Все те же патриоты... Уж, право, лучше кушайте телятину, только не несите такой дичи, какую вы напороли в ваших песнопениях и речах. С таким патриотизмом вы договоритесь до чудища обла, как выражался ваш праородитель, Тредьяковский».

Обозреватель «Домашней летописи» в «Русском слове» не оставил без внимания и академический участок Ломоносовского юбилея. После цитированных выше слов о чудище облом наш автор делает дерзкий и малоостроумный, но характерный для этого органа «нигилистов» выпад: «Нам гораздо больше нравится самовосхваление гг. академиков, по крайней мере тут видим практическую цель — получить побольше жалованья». Это явный намек на печатавшуюся в «С.-Петербургских ведомостях» в марте 1865 года статью К. С. Веселовского о заслугах Академии Наук в развитии наук в России; эта статья, несомненно, была опубликована для создания благоприятной обстановки при проведении нового устава Академии.

Очень близко подходит к позиции «Русского слова» уже много раз упомянутая статья Бибикова «Несомненное недоразумение». Написанная без хлесткости «Домашней летописи», она, несомненно, очень талантливо и убедительно показала всю неискренность и противоречивость позиций реакционной прессы, начиная со славянофилов типа Ламанского и консерваторов, возглавлявшихся «Московскими ведомостями»; с последними, кстати, Бибиков особенно подробно и удачно полемизирует. Используя почти всю появившуюся к тому времени документальную литературу о Ломоносове, автор развивает ту же самую мысль об ответствен-

ности высшего дворянства за преследования Ломоносова, мысль, которая в более сжатой форме проведена была в «Русском слове». В конце статьи Бибиков касается вопроса о моральном облике Ломоносова и приходит к выводу, что юбилейная литература сознательно стилизовала личность великого ученого, «чтобы не бросить тени» на восхваляемого. Бибиков намеренно останавливается на том, что он называет «темными чертами Ломоносова». Он приводит факты, свидетельствующие о резком, грубом характере юбиляра. Вместе с тем Бибиков старается несколько смягчить характеристику Ломоносова ссылкой на «общий нравственный уровень того века».

Все эти тщательно подчеркнутые и обоснованные расхождения в оценке жизни и деятельности Ломоносова, с одной стороны, в юбилейной прессе, с другой — у Бибикова нужны последнему для подтверждения основного тезиса его статьи, выраженного в заглавии ее: «По натуре своей Ломоносов принадлежал к разряду тех личностей, к которым общественное мнение настоящего времени, подстрекаемое и воспитываемое «Московскими ведомостями», выказывало постоянную антипатию... Главная забота и заслуга Ломоносова перед судом беспристрастной истории будет заключаться в насаждении в русском народе европейской образованности путем университетов и гимназий; в противном случае «нет для него благоволения божия на то, чтобы науки распространялись в России». Он умирает с полной уверенностью, что все его планы будут надолго забыты, и только утешается мыслью, что дети отечества о нем вспомнят и с благодарностью почтят его «терпение, благородную упрямку и смелость к преодолению всех препятствий к распространению наук в отечестве». «За них,— говоривал он,— и против отца своего родного восстать за грех не ставлю». Этими словами,— кончает статью Бибиков,— и я заключаю: внуки наши, даст Бог, дождутся этих желаемых *детей отечества* (курсив в подлиннике.— П.Б.), а настоящее празднование настоящих детей отечества, повторяю,— несомненное недоразумение».

В условиях цензурных требований того времени (кстати, так называемые «Временные положения о печати»* были утверждены Александром II 6 апреля 1865 г.) трудно было прямо говорить о революции, но тогдашние писатели умели использовать многие возможности, и читатели, в большинстве своем, угадывали скрытый смысл подобных иносказаний и намеков. Несомненно, такой случай имеем мы и в заключительных строках статьи Бибикова. Говоря о внуках, которые дождутся желаемых детей отечества,

* Об этих «правилах» даже умеренный Никитенко говорит, что «тут все подчинено произволу министра» (т. II, стр. 229).

и набирая последние два слова курсивом, т. е. подчеркивая, что им придается особый, отличный от общепринятого смысла оттенок, Бибиков, несомненно, имел в виду общеизвестное начало французского революционного гимна «Марсельезы» — «Идемте, дети отечества! Вперед, день славы наступил!» Таким образом, Бибиков хотел сказать, что после революции подлинные дети отечества смогут правильно, свободно и всесторонне оценить великие патриотические заслуги Ломоносова. Эту мысль в еще не развернутом виде Бибиков проводит и в начале статьи, когда говорит о том, что современное ему общество не должно праздновать юбилей Ломоносова, а должно предоставить «внукам и правнукам своим помянуть двух- или трехсотлетнюю годовщину смерти великого русского человека».

Мы рассмотрели, бегло и в общих чертах, так как материал чрезвычайно обширен, основные факты юбилея 1865 года. Мы видели, как различные социальные группы пытались использовать этот праздник в своих классовых интересах. Мы проследили эти материалы с первых шагов зарождения идеи юбилея и до таких запоздалых откликов, как книга Бибикова «Критические этюды» со статьей «Несомненное недоразумение». Впрочем, еще один, такой же запоздалый отголосок Ломоносовского юбилея, если не считать вышедшего в конце октября — начале ноября 1865 года. «Описания Ломоносовского юбилея» П. И. Мельникова, остался нами не просмотрен. Это часть статьи архиреакционного литератора, позднее начальника Главного управления по делам печати, М. Н. Лонгинова, озаглавленной «Столетие годовщины 1765 г.» и посвященной прошедшему юбилею Ломоносова и предстоявшему, по мнению автора, юбилею Карамзина (на самом деле Карамзин родился в 1766, а не в 1765 г.).

Мне приходилось уже в другом месте подробно говорить о политических убеждениях Лонгинова в начале 1860-х годов, и поэтому достаточно просто привести соответствующие выдержки из этой его статьи в газете «Весть» (1865, 23 сентября, № 6, стр. 1–2). Она начинается злобными нападками на демократические слои общества: «В России,— пишет Лонгинов,— не без таких людей, которые хлопочут о том, чтобы истребить в ней память о ее прошедшем, и желали бы убедить ее, что время дела и торжества истины наступили для нее с тех пор, как появились фельетоны Тряпичкина, статьи Поприщина, административно-законодательные фантазии Ивана Александровича Хлестакова и проекты реформ полковника Кошкарева. По счастию, такой цели достигнуть не легко. Что же касается до притязаний эфемерных мудрецов сделать из себя и из своих единомышленников начинателей нового периода в истории отечества, то притязания эти напоминают того сельского дьячка, который все события относил к двум периодам и говорил: «это было

до покражи ветчины» или «это было после покражи ветчины», и приурочивал к этой важной покраже все знаменательные происшествия, которых он был свидетелем, даже нашествие французов и т. п.».

Дав такую карикатурную характеристику передовых течений русской жизни конца 50-х — начала 60-х годов, совпадающую с той, которая находится в опубликованной мною его «Речи в Московском обществе любителей российской словесности», Лонгинов переходит непосредственно к анализу Ломоносовского юбилея. Он указывает, что чествование имело всеобщий характер и что даже по-своему откликнулись на юбилей крайние общественные группировки: «В этом случае были сделаны уступки даже теми исключительными демократами,— пишет Лонгинов,— которые не любят слишком аристократического, по их мнению, XVIII века в России и вообще склонны к тому, чтобы хлопотать о забвении всего бывшего до них. Люди этого рода чествовали не столько знаменитого учёного и писателя, имеющего и то достоинство, что он сам сделался им из простолюдинов. Они честили его, наоборот, как крестьянина, вышедшего в известные люди, наперекор здравому смыслу, который прежде всего смотрит на заслуги человека, а потом уже обращает внимание на соображения сословные и зачитывает в число его достоинств победы над неблагоприятными обстоятельствами, которыми обставлено было его первоначальное состояние». Здесь с особой силой прорывается раздражение автора против «эфемерных мудрецов», и он пишет следующие возмутительно бес tactные строки: «От такого фальшивого воззрения происходят у нас похвали выше всякой меры, напр., Шевченке, которого изображение известная партия чуть не поместила на памятнике тысячелетия России, обойдя при этом Державина, имевшего несчастье родиться дворянином и писать великолепные русские стихи во славу России и Екатерины, а не бывшего сначала крепостным человеком и затем не писавшего пустеньких песенок о «буйных витрах», «кобзах» и т. п. на наречии, сходном с французским *patois*. Людям этим ненавистен наш XVIII век и особенно славное царствование Екатерины».

В таком озлобленном духе выдержана вся часть статьи Лонгина, в которой он мельком касается Ломоносовского юбилея и главным образом нападает на (как он выражается) «непрошеных печальников о судьбе не хотящей и знать их меньшей братии».

В статье Лонгина то, что более и менее прилично скрывалось реакционной прессой во время юбилея, выступило во всей омерзительной наготе, окончательно разоблачив подлинную сущность ломоносовского чествования.

Оправдываясь от обвинений со стороны радикальной журналистики в «гастрономическом» подходе к празднованию Ломоносовского юбилея, умеренно-либеральные «Отечественные записки» утверждали, что «собрались, конечно, не для того, чтобы обедать, а, пользуясь этим средством, соединить русское общество еще один раз, выразить свою мысль без стеснения, без всяких покровов официальных»*. Мы видели, что было положено в основу «объединения» общества на Ломоносовском юбилее, какая мысль была выражена «без стеснения, без покровов официальных». За редкими исключениями, вроде речей А. П. Щапова в Иркутске и статей в петербургской радикальной прессе, ломоносовский праздник прошел под знаком «уваровской формулы»: «православие, самодержавие и народность». Была окончательно сложена и упрочена легенда о Ломоносове — охранителе, слуге монархии, искренне верующем человеке, наконец, борце с иноземцами только потому, что они иноземцы, как бы предшественнике славянофилов второй половины XIX века.

Именно такая интерпретация образа Ломоносова на многие годы — благодаря казенной школе, от низшей до высшей — закрепилась в сознании русского общества. Если обратиться к высказываниям представителей передовых слоев русского общества о Ломоносове во второй половине XIX и начале XX века, то, при всем уважении к его дарованиям и незаурядной энергии, в этих суждениях чувствуется «неприятие» Ломоносова именно как выразителя в XVIII веке «уваровской формулы». Закрывались глаза на явное расхождение его «духовных од» с церковной догмой, на демонстративно дидактический тон его «монархических од», наконец, на отчетливо демократический характер его «народности». Любопытно отношение к Ломоносову Г. В. Плеханова. В «Истории русской общественной мысли», касаясь жизни и творчества Ломоносова, Плеханов никак не может избавиться от двойственности: его поражает необыкновенный размах деятельности гениального ученого, и в то же время Плеханов повсюду видит материал для ограничения своего восторга перед Ломоносовым. «Нельзя не удивляться, — пишет он, — широте умственных интересов Ломоносова». Приведя известную цитату из Пушкина о том, что Ломоносов был нашим первым университетом, Плеханов прибавляет: «Однако не все факультеты этого университета работали с одинаковым прилежанием и с равным успехом. Призванием Ломоносова являлось естествознание. Тут он глубок и оригинален. Наоборот, в общественных вопросах он разбирался не очень хорошо, и потому «мысли, про-

* Отечественные записки, 1865, № 8, стр. 207.

стирающиеся к приращению общей пользы», не были ни глубоки, ни оригинальны».

Во всем дальнейшем анализе деятельности Ломоносова Плеханов не скучился на похвалы ученому-естественнику и не пропускает ни одного случая, чтобы не подчеркнуть политическую отсталость Ломоносова. Так, рассмотрев «Записку о размножении и сохранении российского народа» и остановившись попутно на отношениях Ломоносова к духовенству, Плеханов замечает, что «в общественном смысле он [Ломоносов] всегда оставался полным и, конечно, вполне искренним консерватором» и что «у него... не было никакой склонности критиковать существовавший у нас тогда общественный порядок». Снова и снова говоря о «большой наивности» Ломоносова в области политики, Плеханов готов обвинить поэта-ученого чуть ли не в равнодушии к страданиям народа. «Читая «Книгу о скудости и богатстве», чувствуешь, как сильно болел Просошков бедствиями тяглой Руси. Такой боли не заметно ни в одном сочинении Ломоносова», хотя тут же Плеханов оговаривается, что любовь Ломоносова к России и русскому народу не подлежит сомнению. Признавая заслуги Ломоносова как просветителя, Плеханов, вопреки фактам, утверждает, что, усердно просвещая жителей своей страны, Ломоносов никогда не позволял себе «учить» ее правительство. Все эти суждения увенчиваются поистине безжалостным и несправедливым обвинением: «По отношению к народу он стал отрезанным ломтем».

Как ни был Плеханов самостоятелен в оценке многочисленных источников, использованных им для «Истории русской общественной мысли», но в части, касающейся Ломоносова, он бесспорно находился под влиянием того «неприятия» Ломоносова, которое выработалось в радикальных кругах русского народа после юбилея 1865 года.

Однако были ли правы радикальные разночинцы в своем отношении к Ломоносовскому юбилею, к специальному характеру, который придали ему реакционеры вкупе с либералами? Были ли правы те, кто, считая себя продолжателями дела Белинского, Чернышевского и Добролюбова, так в общем легко и почти без боя отдали Ломоносова консервативным литераторам и казенным «общественным деятелям»?

Мы видели, что в «Домашней летописи» «Русского слова» была сделана попытка противопоставить «юбилейной» трактовке Ломоносова свою, трезвую и, до известной степени, основанную на фактах (см. выше, стр. 240). Но автор цитированной статьи ограничился одним только указанием на подлинные цели юбилея: на желание скрыть истинных виновников несчастий, преследовавших Ломоносова при жизни,— царскую бюрократию, высшее дворянство и духовенство.

Мы видели, что П. А. Бибиков также ставил задачей своей статьи «Несомненное недоразумение» разъяснение того, как неуместно и несвоевременно в условиях реакции чествование памяти великого Ломоносова. Высказав верную в общем мысль, что по-настоящему почтить память Ломоносова смогут только после революции (см. выше, стр. 568–570), Бибиков не сделал никаких усилий, чтобы дать правильную научную и общественно-политическую характеристику юбиляра. Ограничившись констатацией того, что «настоящее празднование настоящих детей отечества... несомненное недоразумение», Бибиков закончил этой фразой статью, очевидно, не отдавая себе отчета в том, что дело идет не об одном лишь юбилее, что широко разветвленный аппарат царского правительства через школу, через прессу, через «народные чтения» и т. п. на долгие годы исказит подлинный облик Ломоносова и, более того, использует его для своих антинародных целей. Ни Бибиков, ни сотрудник «Домашней летописи» «Русского слова», ни кто-либо другой из лагеря радикальных разночинцев не воспользовались представившейся возможностью для того, чтобы подробно, с фактами в руках, устранивая явные фальсификации, искажения и натяжки юбилейных славословий, показать величие и мощь «сына отечества» — Ломоносова. Они забыли о том, как стал ценить Ломоносова Белинский в последние годы своей жизни, как великий критик признал, что «в лице Ломоносова она (русская поэзия) обнаружила стремление к идеалу, поняла себя, как оракула жизни высшей, выспренней, как глашатая всего высокого и великого». Они забыли, как в Ломоносове видел идеал патриота Чернышевский. Они равнодушно уступили Ломоносова реакции и тем самым совершили безусловную и прискорбную ошибку.

Под знаком реакционной легенды 1865 года происходило восприятие Ломоносова в течение более чем полувека. И юбилеи 1911 и 1915 годов, и многочисленные научные, беллетристические и популярные книги и статьи, посвященные Ломоносову дореволюционными литераторами и учеными,— все это настойчиво поддерживало в сознании русского общества неправильное представление о великом человеке. Пересматривая сейчас обширную ломоносовскую литературу дореволюционного и отчасти послереволюционного времени, мы не можем указать ни одной попытки серьезного пересмотра «легенды о Ломоносове».

И только после Великой Октябрьской Социалистической революции, когда перед освобожденным народом нашей страны широко раскрылись сокровищницы родной культуры, трудящиеся массы получили возможность по-новому, по-настоящему оценить заслуги прежних деятелей русской истории, русской литературы, науки и искусства. Тяжелый, упорный, настойчивый труд великих и малых деятелей нашей культуры вызывал и вызыва-

ет в народных массах, в молодом поколении, в самых разнообразных слоях советского общества неизменное, глубокое уважение к себе. В духе этого уважения воспитывают советскую общественность партия и правительство. «Гениальным сыном великого русского народа» назвала Ломоносова «Правда» в передовой статье, посвященной 225-летию со дня его рождения. Ряд статей был посвящен Ломоносову в «Правде» в связи со 175-летием со дня смерти великого ученого и поэта. Имя Ломоносова многократно и часто, с глубокой любовью и уважением, поминается в советской политической и научной литературе, наследие его интенсивно и разносторонне изучается и издается, легенды развеяны и преданы забвению.

Но никогда не лишне знать, как возникают легенды, в частности, как возникла в дни юбилея 1865 года реакционная «Ломоносовская легенда».

